

Мать и дочь: традиция и модерн в повседневной жизни евреек Северо-Западного края (на материалах воспоминаний Паулины Венгеровой и биографии Зинаиды Венгеровой)

На примере жизненного пути Паулины и Зинаиды Венгерových, принадлежавших двум поколениям семьи, подарившей русской культуре ряд выдающихся деятелей, показывается, как процессы эмансипации проникали в еврейскую повседневность. Паулина Венгерова в своих мемуарах свидетельствует, что большая часть евреек, особенно старшего поколения, оказывала упорное сопротивление принятию любых новшеств. Меньшая же их часть, к которой относилась ее дочь Зинаида Венгерова, вовлекалась в процесс двойной – этно-религиозной и женской – эмансипации.

The article based on the life track of Paulina and Zinaida Vengerov who belonged to the two generations of the family that had presented a number of outstanding figures to the Russian culture, demonstrates in which way the emancipation processes have been getting into the daily life of Jews. In her memoirs Paulina Vengerov gives evidence that the major part of Jewess, especially the elderly ones, resisted vigorously to accepting any modern trends. At the same time the smallest part of them to which her daughter Zinaida Vengerov belonged had been incorporated into the double process of the ethno-religious and women's emancipation.

Ключевые слова: Паулина Венгерова, Зинаида Венгерова, повседневная жизнь, еврейство, эмансипация.

Key words: Paulina Vengerova, Zinaida Vengerova, the daily life, Jewry, emancipation,

Паулина Венгерова (1833–1916) родилась в Бобруйске, практически все ее детство прошло в Бресте, куда переехали ее родители. Ее отец, Иегуда Эпштейн, был богатым подрядчиком, большую часть времени он посвящал изучению Талмуда, написал к нему ряд комментариев. В традиционной еврейской среде возможность изучения Талмуда была важнейшим показателем статуса. Этот путь к социальному признанию для женщин был закрыт, однако определенную позицию в обществе они могли занять благодаря достойному браку. *Паулина* в 1850 г. вышла замуж за Афанасия Венгерова, мужа ей выбрали родители, впервые она увидела его только во время обручения. Так велела традиция, Паулина же находилась под большим влиянием правоверного отца. В браке Паулина родила троих сыновей и пять дочерей. После нескольких переездов в 1871 г. ее семья обосновалась в Минске в связи с получением мужем должности вице-директора, а вскоре и директора Минского отделения Государственного банка. В Минске Паулина включилась в благотворительность и меценатство, стала одной из основательниц профессионального учебного заведения для детей из низших слоев еврейства.

Через несколько лет после смерти мужа (1892), которую она, как правоверная еврейка, воспринимала как конец собственной жизни, оставшись

в Минске одна, Паулина взялась за написание мемуаров, точка в которых была поставлена на моменте ухода в мир иной ее супруга. Отрывок из воспоминаний в 1903 г. появился в петербургском журнале «Восход». В начале XX в., переехав к сестрам в Германию, Венгерова закончила воспоминания, в которых отразила жизнь трех поколений российского еврейства. Под названием «Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX в.» они были опубликованы в Берлине на немецком языке [6]. Они были с интересом встречены публикой и неоднократно переиздавались. На русском языке они появились спустя почти сто лет в двух разных переводах, один из которых выполнила ее внучатая племянница Элла Венгерова [3; 4]. Воспоминания Паулины Венгеровой являются уникальным источником для изучения мира восточно-европейского еврейства.

Венгерова застала патриархальную еврейскую жизнь, была сама воспитана в ее традициях, верность им стремилась сохранить в своем доме, и в своей книге с любовью воссоздала атмосферу семейной жизни евреев. «Еврейская семейная жизнь в первой половине прошлого века в моем отчем доме, как и в других подобных домах, протекала мирно и чинно, она была очень умно организована. Эта жизнь навечно запечатлелась в памяти моих ровесников. Тогда не было того хаоса нравов, обычаев и систем, который нынче царит в еврейских домах. Наша жизнь в то время была стилистически сбалансирована, в ней присутствовала серьезность и соблюдалось достоинство уникальной еврейской традиции» [3, с. 20]. Как и другие еврейские женщины старшего поколения, она не мыслила своего существования вне религии и обычаев и старалась из всех сил сберечь традиции хотя бы в своем доме. «Женщины, каждой клеточкой своего существа, привязанные к патриархальной традиции, стремились передать ее своим детям, научить соблюдать нравственные законы еврейской религии, чтить субботу и праздники, любить еврейский язык, изучать Библию. ... Но на все просьбы и упреки женщины всегда получали от своих мужчин всегда один и тот же ответ: "Детям не нужна религия!" ... Об умеренности молодые еврейские мужчины того времени и слыхом не слыхали, да и не желали ничего слышать. ... Некоторые требовали от своих жен не только одобрения, но и подчинения, покорности – они требовали от них устранения всего, что еще вчера было святыней» [3, с. 246–247].

В среде еврейства первыми в процесс интеграции в европейскую культуру включились мужчины. Через них в традиционную еврейскую семью стали проникать новые явления. И именно женщины, «местечковые матроны», домоправительницы, носительницы образа еврейского матриархата вставали на защиту старого уклада. В то время как «мужчины безоглядно отрекались от старого», «старые семейные идеалы исчезали», большинство еврейских женщин «были настолько глубоко проникнуты традицией и религией, что ощущали свою обиду как физическую боль, и им приходилось вести борьбу в самом узком семейном кругу» [3, с. 246].

Семья стала той территорией, через которую пролег религиозно-мировоззренческий и гендерный конфликт. И «в семейной жизни, которая прежде текла так ровно, так патриархально, начались жестокие битвы. Многие женщины вовсе не собирались сдаваться без боя. Они предоставляли мужьям полную свободу вне дома, но в собственном доме требовали соблюдения добрых старых обычаев. Легко понять, что такая двойная жизнь не могла продолжаться долго. В этой борьбе одержал победу дух времени» [3, с. 247]. И все-таки мужчинам поколения Венгеровой было недостаточно того, что они включены в светскую и ассимилированную публичную жизнь. Они хотели искоренить еврейские традиции и в своем доме, и добивались этого самыми жесткими методами: «Пропагандируя в обществе современные идеи вроде свободы, равенства, братства, сами эти молодые люди были величайшими домашними деспотами по отношению к женам, от которых требовали безропотного и безоглядного исполнения своих желаний» [3, с. 247].

Хотя женщины яростно противились деспотическим требованиям своих мужей, стремившихся к изменениям, последние наступали, тем не менее, неотвратимо. Когда началась *хаскала* – еврейское просвещение, молодежь к ужасу стариков, наряду с Талмудом, стала открыто читать нараспев Шиллера, в домах стали устраиваться танцевальные вечера, в которых участвовали не только молодежь, но и семейные мужчины и женщины. «...В домах, где были взрослые девушки, стали появляться молодые люди. И в разговорах появилось больше свободы. Священный восторг, с каким прежде воспевали библейскую идеальную жену, *эйшес хайиль*, уступил место обожанию какой-нибудь опереточной дивы» [3, с. 249].

Под нажимом мужей еврейкам пришлось постепенно отказываться от привычных для их пола ролей и ценностей прошлого ради новых приоритетов. Паулина не стала исключением: «У нас в доме все происходило так же, как и в других семьях, где шла борьба за сохранение традиции, где считалось, что муж – кормилец, на нем лежит обязанность содержать семью, у него больше прав, он хозяин дома, он может просить, но имеет право требовать. И мой муж поначалу просил, а когда не добивался своей цели, то требовал исполнения своих желаний. Он становился деспотичным и часто терял всякую меру. ... Он хотел, чтобы я "реформировала" себя и свой дом» [3, с. 271]. Особенно натиск со стороны мужа усилился, когда семья жила в Петербурге. Именно в период петербургской жизни под давлением мужа после нескольких лет сопротивления ей пришлось снять парик, который правоверные еврейки носили после замужества, и отказаться от кошерной кухни: «... один за другим из моего дома были изгнаны прекрасные старые обычаи, ... я со слезами и рыданиями провожала их до самой последней калитки моего дома. Я долго, долго, истекая кровью сердца, глядела им вслед, словно хоронила самое дорогое, что имела. Сколько мне пришлось выстрадать, какие выдержать душевные битвы!» [3, с. 271–272].

Развернувшийся процесс ассимиляции, в результате которого часть евреев, как и ее собственные дети, порывали с иудаизмом, она воспринимала трагически: «Крещение моих детей было для меня самым тяжелым ударом» [3, с. 287]. Но без выхода из иудаизма и крещения, которые открывали для еврейской молодежи возможности образования и карьеры, поступление в университет для еврейской молодежи было затруднительным из-за существовавших ограничений (наличие золотой медали выпускника гимназии, 10-процентная норма евреев среди студентов), и материнское сердце приняло поступок ее детей, одним за другим уходивших из иудаизма. Она простила им – и Шимону, и Владимиру, и Семену, и Зинаиде, и Изабелле, видя в их решении выйти из иудаизма и свою вину. «Постепенно это страдание перестало быть для меня личной драмой. Оно все больше приобретало характер национального бедствия. Не только как мать, но и как еврейка я испытывала боль за весь еврейский народ, который терял столько благородных сил» [2, с. 287].

Дочь Паулины *Зинаида Венгерова* (1867–1941) выросла в Минске, ставшим местом окончательного пристанища для ее родителей, в 1881 г. блестяще окончила здесь женскую гимназию, в которой, как и в других (Могилевской, Витебской, Бобруйской), училось много евреек. Два года после ее окончания она жила в Вене, занимаясь изучением иностранных языков и литературы [2, с. 135]. Затем, как и ее старшие братья, в том числе Семен, будущий известный историк русской литературы, вышла из иудаизма и перешла в православие. В связи с тем, что в Северо-Западном крае высших учебных заведений не было даже для мужчин, переезд в столицу был следующим необходимым шагом для эмансипирующейся еврейки. В отсутствие мужа он символизировал выход из-под родительской опеки, радикальный разрыв с патриархальными устоями провинции. И этот шаг для девушки был намного более сложным, чем для юноши.

И здесь следует остановиться на еще одном структурном слое гендерного неравенства в России. Вопрос о высшем образовании для женщин государством решался однозначно не в пользу последних. В то же время в России, начиная с 1860-х гг., «женский вопрос» становится широко обсуждаемым, превратившись в постоянный пункт общественной дискуссии. Большую роль в его формулировании сыграла серия статей публициста и писателя М.Л. Михайлова, опубликованная в журнале «Современник» в 1859–1861 гг. С тех пор «женская тема» не сходила со страниц журналов. Решение «женского вопроса» стало рассматриваться передовыми слоями разночинной молодежи как составная часть общего процесса демократизации общества. Сочувствующие «женскому вопросу» аргументировали необходимость и полезность использования на нужды общества «своих и качеств женщины, которые ей даровала сама природа». Таким образом, женщина ими рассматривалась как важный социальный резерв. Правительство, тем не менее, упорствовало. По университетскому уставу 1863 г. женщинам разрешалось находиться в аудиториях императорских универ-

ситетов только в качестве вольнослушательниц. Неслучайно россиянки стали массово поступать в европейские, прежде всего швейцарские, университеты. В ответ правительство с тем, чтобы русские женщины не уезжали учиться за границу, согласилось на открытие в Петербурге высших женских курсов, дававших систематическое университетское образование по программам Петербургского императорского университета. Неофициально курсы стали называться «бестужевскими», а их слушательницы «бестужевками» по имени их учредителя и первого директора К.Н. Бестужева-Рюмина.

Для Зинаиды, которая только что вернулась из Вены, 1884 г. стал моментом выбора дальнейших действий. С одной стороны, принятый в этом году новый университетский устав в отличие от предыдущего не разрешал девушкам находиться в аудиториях императорских университетов даже в качестве вольнослушательниц, с другой, – «бестужевские» курсы обрели большую популярность в среде разночинной молодежи. Выбор был определен объективными обстоятельствами, и Зинаида поступила на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов, одним из профессоров которых впоследствии станет и ее брат – Семен Венгеров. После окончания в 1887 г. Бестужевских курсов Зинаида, уехала за границу, где слушала лекции по истории английской и французской литературы во Франции (в Сорбонне) и в английских университетах. Получив блестящее европейское образование, Зинаида Венгерова с головой окунулась в работу.

Для многих образованных современниц в то время переводческая работа стала наиболее доступной формой реализации и способом самостоятельного содержания себя. Так и Зинаида, свободно владея несколькими иностранными языками, занялась переводами и написанием литературоведческих статей. Сотрудничая с российскими и европейскими изданиями, Зинаида подолгу жила за границей, главным образом в Англии [3, с. 136].

Она чувствовала себя свободной вполне – и в профессиональной, и в личной жизни. Она не была замужем, но ее связывала многолетняя близкая дружба с поэтом и писателем-мистиком Николаем Минским, с которым была знакома еще с 1890-х гг. Николай Минский происходил из обедневшей еврейской семьи, закончил Минскую мужскую гимназию, юридический факультет Петербургского университета. Он был женат на племяннице Венгеровой – поэтессе и переводчице Людмиле Вилькиной. Венгерова составляла им компанию во время длительной эмиграции Минского, продлившейся с 1905 по 1913 г. «Тройственный союз» с периодами совместного проживания продолжался вплоть до смерти Вилькиной.

В 1925 г. после почти сорокалетней «дружбы» 70-летний Николай Минский и 58-летняя Зинаида Венгерова в Англии заключили официальный брак. В 1927 г. Венгерова с мужем переселилась в Париж. Она не имела детей и после смерти Николая Минского в 1937 г. переехала жить в Нью-Йорк к любимой сестре – пианистке Изабелле Венгеровой, спустя три

года завершив там жизненный путь. Ее мать Паулина Венгерова незадолго перед смертью покинула враждебную России Германию, вернулась в Минск, где в 1916 г., в разгар войны, ушла из жизни. И к концу своей жизни она сохранила глубокие персональные убеждения – отстаивать традиции, сохранение и служение которым является высшей добродетелью «местечковой матроны» – типичной представительницы еврейского матриархата имперской окраины.

Список литературы

1. Венгерова Зинаида. Автобиографическая справка // Русская литература XX века: 1890–1910 / под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. I. Кн. 2. [Синтетический модернизм и богоискательство. Начало XX века]. – М.: Изд. Т-ва «Мир», 1914. – С. 135–138.
2. Венгерова Зинаида Афанасьевна // Русская интеллигенция; под редакцией [и с вступ. ст., с. 3–21] В.А. Мыслякова: автобиографии и биографические документы в собрании С.А. Венгерова: аннотированный указатель: в 2 т. / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – СПб.: Наука, 2001. – Т. 1.
3. Венгерова П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века / пер. с англ. Э. Венгеровой; послесл. Г. Зелениной. – Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2003. – 350 с.
4. Венгерова П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века / пер. с англ. Л. Высоцкого и И. Нахмансона; послесл. Б. Купермана. – СПб.: Академический проект, 2005. – 272 с.
5. Нежинская Р. Венгерова Зинаида Афанасьевна // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: энцикл. биограф. слов. / под ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 203–205.
6. Wengeroff Pauline. Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Uden Russlands im 19 Jahrhundert. Band 1–2. Berlin, 1908–1910.

С. С. Михайлов

Этническая группа в повседневной жизни городов Центральной России 1920–1970-х гг.: ассирийцы

В статье рассказывается об интересной странице городской культуры XX в. – местах для чистки обуви, об истории этого промысла у ассирийцев-беженцев, которые поселились в указанный период в российских городах. В силу определенных исторических обстоятельств с 1920-х гг. на официальных «точках» работниками оказались ассирийцы – беженцы из Турции. Дети беженцев уже получали образование и владели престижными специальностями. Статья основана на этнографических материалах.

The article tells about the interesting visit of the urban culture of the 20th century – places for shoe polishing. In virtue of certain historical causes, from the 1920s years the official “parking” shoe cleaning workers were Assyrians – refugees from Turkey. Refugee children received higher education and a prestigious specialties. The author tells about the history of this craft in Assyrians refugees, who settled during the period under in the Russian cities. The article is base don ethnographic materials.